

Коновалова Оксана Александровна

ИРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются особенности постмодернистского философского дискурса, специфика его построения в соответствии с иронической симулятивной стратегией, во многом определившей культуру постмодерна в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/3/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 3 (4). С. 88-90. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ИРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Коновалова Оксана Александровна

*Кафедра философии
Кузбасский государственный технический университет
okkon@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности постмодернистского философского дискурса, специфика его построения в соответствии с иронической симулятивной стратегией, во многом определившей культуру постмодерна в целом.

Ключевые слова и фразы: дискурс; постмодерн; ирония; симулякр; симуляция.

Постмодернистский дискурс приходит на смену двум предшествующим ему дискурсивным типам, которые М. Фуко выделил в истории нововременной мысли, а именно, ренессансному и новоевропейскому. Хронологически данные дискурсы совпадают с обозначенными Ж. Бодрийяром периодами развития так называемых симулякров. В частности, наметавшийся пост-новоевропейский дискурс соответствует эпохе господства симулякров третьего порядка, то есть симуляции.

Симулякр и дискурс в эпоху постмодерна наделяются практически равнозначными характеристиками. Если ядром симуляции является процесс отчуждения знака от референтной реальности, а сам симулякр понимается как самореференциальный знак, порывающий с реальностью, то дискурс постмодерна характеризуется, прежде всего, изменением статуса знака: он отражает принципиально новые знаковые отношения, в которых знак репрезентирует саму знаковую сферу.

Традиционный новоевропейский дискурс, не подверженный симулятивизации, предполагает, во-первых, репрезентацию знаком мышления и, следовательно, стоящего за ним субъекта, а, во-вторых, единство означающего и означаемого, знака и референта. Различение двух пластов, которые могут быть обозначены как явный и скрытый дискурс, строится именно на их неразрывном единстве, а не противопоставлении. Оба дискурсивных пласта находятся в отношении взаимосвязанности и взаимообусловленности. Так, явный дискурс не поглощает в себе дискурс скрытый, напротив, выявляет его через себя и имеет своей целью, в конечном счете, достижение истины. В отличие от скрытого, явный дискурс неизменно характеризуется статусом видимости. Однако видимость эта существует главным образом для того, чтобы через него получил возможность проступить скрытый смысл. Таким образом, новоевропейская рациональность предполагает, по сути, не что иное, как выявление того или иного смысла, восстановление связей между явным и скрытым дискурсами.

В процессе симулятивизации статус дискурса изменяется принципиальным образом. Исходя из бодрийяровского определения симулякра и симуляции, можно предположить, что на первый план в постмодернистском дискурсе выходит тот его аспект, который непосредственно связан с понятием видимости, лишенной содержания, то есть, в данном контексте, смысла. Так, согласно Бодрийяру, подверженный симулятивизации, «соблазнению» дискурс «лишается своего смысла и отклоняется от своей истины» [Бодрийяр, с. 105]. По крайней мере, поиски смысла и истины отодвигаются на второй план, теряют свое первостепенное значение. Иначе говоря, если до-постмодернистский дискурс нацелен на разрушение видимости и нахождение смысла, то дискурс постмодерна сознательно ограничивается игрой видимостей, размывает смысл, искореняет его, отказывается от самого стремления к поиску истины. Построение и оформление постмодернистского дискурса происходит в соответствии с иронической моделью, во многом обусловившей практически все явления культуры постмодерна.

Сущность постмодернистского дискурса, на первый взгляд, заключается, во-первых, в критике рационалистической традиции, логоцентризма, а, во-вторых, в отказе от выявления истины, которое было характерно для новоевропейского дискурса. Данные признаки, определяющие специфику дискурса в эпоху постмодерна, составляют первый, внешний план, соответствующий «явному» смыслу иронической формулы. Однако ирония всегда предполагает наличие двух смысловых полей, не только явного, но и скрытого (истинного). При этом ирония не сводится к простому переворачиванию смыслов. Сущность иронии, независимо от ее конкретного проявления, «состоит не в открытом переворачивании смысла, а в сохранении двойного смысла, когда явный смысл противоположен скрытому, но... скрытый смысл, истинный, предполагается доступным воспринимающему» [Любимова, с. 116]. Кроме того, скрытый (истинный) смысл иронии нацелен не только на выявление себя посредством смысла внешне выраженного, но и на его косвенное отрицание. Ирония, при всем своем формальном многообразии, всегда есть отрицание под видом утверждения или наоборот.

Из этого следует, что постмодернистская гуманитарная наука не может ограничиваться осознанием того «перевернутого» состояния дискурса, на которое неоднократно указывали теоретики постмодернизма. Иными словами, внешний план постмодернистского дискурса представляет собой тот пласт значений, который не является истинным, требующим выражения посредством явно данного, внешне обозначенного смысла. Истинный, скрыто содержащийся в иронической конструкции смысл может быть выявлен только

благодаря этому внешнему, явному плану.

Выявление скрытого смысла определяется, в первую очередь, специфической структурой внешне выраженного смысла, неизменно имеющей знаковый, кодовый характер. Посредством разнообразных сигналов иронии, заключенных в явной форме дискурса, и происходит косвенное выражение подлинного смысла. С одной стороны, это обнаруживает некоторое сходство с новоевропейским дискурсом, в котором явное выявляет через себя скрытое содержание. С другой стороны, между новоевропейским и постмодернистским дискурсом существует принципиальное отличие. Выявление скрытого смысла, то есть истины, в постмодерне отходит на второй план. Постмодерн отрицает истину, но не истину как таковую, а как нечто целостное, абсолютное и неизменное. Истина в постмодернизме предстает как продукт субъективных исканий человека, не обладающий какой-либо реальной объективностью.

Вместо поиска истины на первый план в постмодерне выходит «внешняя» сторона иронического процесса, суть которой заключается в игре внешних, явных выражений, в создании «соблазнительной» видимости, чистой мнимости, что становится возможным благодаря ироническим сигналам. В постмодернистском дискурсе такие сигналы пронизывают собственно терминологический, понятийный аппарат, который сам суть – иллюзия, видимость, терминологическая симуляция. В бодрийаровском смысле такие понятия, как «симулякр», «концепт», «дискурс», «деконструкция» и др. предельно «соблазнительны». Так, например, в сноски работы М. Фуко «Слова и вещи» переводчиком отмечается, что термин «дискурс» – термин «исходный и неопределяемый». Еще более сложное явление представляет собой понятие «деконструкция». Попытку описать, определить данный термин представляет собой «Письмо японскому другу» (Ж. Деррида). Однако содержание «Письма...» сводится к принципиальной его неопределяемости. Определение того, что есть «деконструкция» не представляется возможным, так же как и определение того, чем «деконструкция» не является, ибо «всякое предположение типа «деконструкция есть X» или «деконструкция не есть X» априори не обладает правильностью... оно по меньшей мере ложно» [Деррида, с. 56]. Трудность определения понятия «деконструкция» связана, прежде всего, с тем, что «все предикаты, все определяющие понятия, все лексические значения и даже синтаксические артикуляции, которые в какой-то момент кажутся готовыми к этому определению... также деконструированы или деконструируемы – прямо или косвенно» [Там же]. Еще одна причина, по которой определение «деконструкции» практически не представляется возможным, заключается в том, что сам факт определения данного понятия с точки зрения постмодернистской гуманитарной науки явился бы проявлением логоцентризма, деконструировать который и является одной из основных целей деконструкции.

Понимание того, что в действительности представляет собой деконструкция, возможно исключительно благодаря тому или иному контексту, в рамках которого само понятие выступает некоторого рода сигналом. В противном случае оно может быть заменено множеством других понятий. Деррида отмечает, что слово «деконструкция», а также его прямое «машинное» значение, привлекло его внимание постольку, поскольку оно «удачно» выражало то, что сам автор хотел выразить (в силу невыразимости данного явления) хотя бы намеком. Таким образом, принципиальная неопределяемость понятия, его «знаковость», контекстуальная зависимость позволяют увидеть в нем, как и в других терминах постмодернистского дискурса, сигнал иронии, принадлежность к области внешне выраженного смысла. Не удивительно, что «деконструкция» как некий иронический, и по сути симулятивный, образ, представляется «соблазнительной». В том же «Письме японскому другу» Деррида пишет о том, что привязанная к самому слову «деконструкция» метафора «смогла соблазнить или сбить с толку кое-кого» [Там же, с. 55].

Постмодернистская ирония проявляется не только в понятии «деконструкция», но и в самом принципе деконструкции. С одной стороны, деконструкция стремится к тому, чтобы деконструировать дискурс, подорвать те бинарные оппозиции и ту иерархию, которые были базисным элементом дискурса новоевропейского. Вместе с тем, разрушая логоцентристские оппозиции, деконструкция сама становится в положение деконструируемой оппозиции «деконструкция/логоцентризм». В таком случае логичным является утверждение, что «занимающий привилегированное положение термин «деконструкция» на самом деле подчинен девальвируемому термину «логоцентризм», ибо для того, чтобы установить иерархическое превосходство деконструкции, деконструкционист вынужден пытаться репрезентировать ее превосходство, ее аксиологический примат, аргументируя и убеждая, апеллируя к тем самым логоцентристским ценностям, которые он старается девальвировать» [Серль, с. 67].

Таким образом, деконструкция, представляя собой весьма значимое явление в рамках постмодернистского дискурса, а именно той его части, которая может быть обозначена как внешне выраженная, явная, противопоставляется скрытому (истинному) пласту смыслов данного дискурса, и под видом его отрицания утверждает внешне отрицаемые положения, в частности, ценности и принципы логоцентризма. Иными словами, «поход против идеи рациональности как бесспорной ценности культуры сам совершается, исходя из посылок рационального критицизма» [Рашковский, с. 51].

В результате, в постмодерне «прежняя метафизическая озабоченность традиционной и модернистской эпох, прежние стремления к построению всеобъясняющих «метанарративов»... уступило место программному агностицизму. Вызов привычной новоевропейской культуре научного мышления оборачивается старым позитивистским запретом на всякую трансцендентность и метафизику» [Там же, с. 49]. На место новоевропейской метафизики постмодернизм поставил иронию – в том числе и иронию в отношении метаповествований. Однако ироническое отстранение (в некотором плане необходимое для традиционной рациона-

листической культуры и претендующей на вседоказательность метафизики) парадоксальным образом затронуло и сам постмодернистский подход к рациональности и ее наивысшему выражению – метанарративам. Связанное с критикой рационализма развенчание так называемых матанарративов, идея их конца как крупных мировоззренческих блоков сама превратилась в новое метаповествование, метанарратив.

Таким образом, ироничность постмодернистского дискурса, провозгласившего идею антирационалистичности, заключается, в частности, в том, что в основе всей постсовременной культуры остается все та же рациональность, строящаяся на тех бинарных оппозициях, которые в постмодернизме подвергаются настойчивым попыткам деконструирования, но которые, по определению Бодрийяра, лежат в основании симулятивной реальности. Ведь именно рациональность и бинарная логика в эпоху постмодерна «позволяет пользоваться плодами цивилизации, в том числе и создавая развесистые симулякры» [Тульчинский, с. 41], иными словами, определяя постмодернистскую реальность как таковую.

Список использованной литературы и источников

Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 318 с.

Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4.

Любимова Т. Б. Понятие комического в эстетике // Там же. 1980. № 1.

Найман Е. А. Дискурс, фигура и нарратив у Ф. Лиотара // Дефиниции культуры. Томск, 1999. Вып. 4.

Рашковский Е. Б. Постмодерн: культурная революция или культурная контрреволюция? // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 9.

Серль Дж. Р. Перевернутое слово // Вопросы философии. 1992. № 4.

Тульчинский Г. Л. Слово и тело постмодернизма: от феноменологии невменяемости к метафизике свободы // Там же. 1999. № 10.

THE IRONICAL ASPECT OF POSTMODERNIST PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Konovalova Oksana Aleksandrovna

*Department of Philosophy
Kuzbass State Technical University
okkon@bk.ru*

Abstract. In the article the features of postmodernist philosophical discourse and the specificity of its construction are considered according to the ironical simulative strategy which in many respects defined culture of postmodern as a whole.

Key words and phrases: discourse; postmodern; irony; simulacrum; simulation.

**ПОЛИЛАТЕРАЛЬНОСТЬ ТРАКТОВКИ КОНЦЕПТА «КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА»:
ПЕРСПЕКТИВНАЯ ТЕОРИЯ Д. МАЦУМОТО В ИССЛЕДОВАНИИ
«ПСИХОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА»**

Кострица Екатерина Игоревна

*Кафедра теории и истории культуры
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского
Читинская государственная медицинская академия
lingv@inbox.ru*

Аннотация. В статье маркированы основные культурологические тенденции при полилатеральной перцепции категории культурной среды в современной научно-исследовательской мысли на базе работы Д. Мацумото «Психология и культура», подробно раскрывающей социо-психологические параметры обозначенного феномена.

Ключевые слова и фразы: культурная среда; этноцентризм; стереотипизация; предубеждение; иерархия культурных сред.

В современной России, также как и во всём мире, особую актуальность приобретает возвращение к вопросам нравственности, морали и культурных стереотипов, которые органично сопряжены в эстетическом окружении социальной жизни. Термин «культурная среда» характеризует комплексный конгломерат мировых эстетико-этических догматов. Корреляция между концептом «психология» и понятием «культура» становится наиболее репрезентативной в плане детерминирования компонентов культурной среды. Именно по-